

Илью Эренбурга, лауреата Сталинской премии за литературу ...)»¹. А в не менее известном «Нью-Йорк Таймс» Алден Уитман, которого трудно заподозрить в симпатиях к советским писателям, говорит о неконформизме Эренбурга по отношению к послевоенному «коммунистическому режиму» (упомянутый некролог). В то время как в социалистических странах Эренбурга, подчас преувеличивая, превозносят как крупнейшего романиста XX века², по определенным идейным соображениям французский литератор Нино Франк, старый знакомый писателя, уважающий Эренбурга-человека, блестящего собеседника, весьма скептически, даже с пренебрежением, отзываясь о его художественных произведениях, считая их неглубокой публицистикой³.

Даже беглое ознакомление с зарубежной критикой подкрепляет нашу уверенность в том, что советский писатель, всегда находившийся на линии огня в борьбе двух культур, рассматривался и оценивался и левой и правой прессой на разных этапах своей пятидесятилетней литературно-общественной деятельности прежде всего как представитель новой, советской идеологии, как живое воплощение настроений интеллигенции Советского Союза. И подход к нему зависел от конкретных требований данной общественно-политической конъюнктуры.

В Третьем Рейхе об Эренбурге как о писателе не упоминали, о нем говорили только как об идейном враге⁴. А для Арагона⁵, Лану,⁶ Вюрмсера⁷ Эренбург остается прежде всего страстным советским патриотом, всем сердцем полюбившим Францию, борцом за мир, за торжество человечности и подлинно гуманистической культуры. В одном мнения сходятся. И друзья, идейные соратники, и недруги (к Эренбургу мало кто относился с безразличием) признают большую культуру, разносторонность знаний, широкую осведомленность, тонкость интеллекта, остроту ума советского литератора.

«Историческая, а также литературная и политическая культура этого писателя, который не состоял членом коммунистической партии, была поистине фантастической. Я не встречал другого человека со столь обширными познаниями», — писал Арман Лану⁸. Приблизительно так же отзываясь о нем Витторио Страда: «Интеллект Эренбурга — креольский; творческая оду-

¹ Архив Ильи Эренбурга.

² См., например, предисловие Ивана Пауновски «За автором за този роман» в кн.: Илья Эренбург, *День втора*, София, 1967: «Нет такого литературного вида и жанра, в котором он не оставил заметного следа...», или редакционные заметки к венгерскому изданию *Падения Парижа*: «Почти шекспировское знание глубин человеческих отношений, едва ли не бальзаковское и толстовское воспроизведение исторической атмосферы и боевая, гуманистическая позиция писателя-коммуниста XX века — вот главные признаки художественного творчества Эренбурга», *Párizs bukása*, Будапешт, 1954, р. 582.

³ Нино Франк, *Memoire brisée (Le bruit parmi le vent)*, Париж, 1968.

⁴ «Подчиненные Геббельса, — писал Жан-Ришар Блок, — относят Илью Эренбурга к числу врагов № 1. Он стал для них своего рода наваждением. Не проходит почти недели, чтобы кто-либо из столпов гитлеровской радиопропаганды не пытался обрушиться на него с самой свирепой агрессией» (Журнал «Славяне», № 2, 1945, стр. 40).

⁵ „Les lettres françaises“, nr. 1198, 1967.

⁶ „Le Figaro Littéraire“, nr. 1117, 1967.

⁷ „Les lettres françaises“, 30.XII.1948.

⁸ Арман Лану, *Ilya Ehrenburg n'a pas connu la terre promise*, „Le Figaro Littéraire“, nr. 1117, 1967.